

ИРИНА КАЛИТИНА

**КОНКРЕТНАЯ
ДАТА**

16+

Ирина Калитина

Конкретная дата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48427962

SelfPub; 2019

Аннотация

Мужчина подвергается гипнозу при случайной встрече с цыганкой и его дальнейшая жизнь меняется.

Для оформления обложки использован фрагмент фотографии автора, сделанной в Сочи. Если потребуется, можно прислать полное фото, на котором присутствует автор.

На железнодорожный вокзал небольшого городка Платон заехал случайно по пути на дачу, с которой должен был забрать маму, она гостила там у подруги. Вечером в пятницу чувствовал себя измотанным после трудовой недели, а утром так торопился, что только в дороге понял, что тетя Валя усадит пить чай с черничным пирогом, даст с собой корзинку смородины или клубники. Неплохо было бы докупить букет цветов к конфетам и бутылке коньяка для неё.

Платон свернул в сторону жёлтого здания с колоннами, в которое заходили люди с сумками на колёсах.

«Около вокзалов можно найти цветочный киоск», – подумал он и припарковался неподалёку.

Вышел, огляделся, киоск с надписью: «Цветы» располагался недалеко от рельсов, пройти к нему можно было через горбатый мостик над канавой или ручейком.

На этом мостике Платон и встретил цыганку.

– Ай, какой красавец! – воскликнула она. – Лапочка, давай тебе погадаю, ни копейки не возьму.

Платон знал: к его недурной внешности в это утро прилагался светлый костюм, который особенно шёл ему, жена заставила надеть, чтобы доставить маме удовольствие гордиться сыном. Потом уже ему сказали, что с цыганами не нуж-

но заговаривать, а в то утро он подумал, что произвёл впечатление на смешную женщину в косынке малинового цвета, пёстром платье, блестящем ожерелье, и, почему-то, сером пиджаке поверх буйства красок, от которого резало глаза на летнем солнце. Ответил вежливо и уклончиво, как отказывал клиенту в банке:

– Очень жаль, но не имею возможности ...

Платон уже спускался с мостика, когда услышал.

– Постой, бриллиантовый, насквозь тебя вижу. Полу сироток ты.

Мужчина застыл на секунду.

– Что такое полу сироток? – обернулся он. Понимал, что цыганка имела ввиду, но хотел проверить себя.

– Отца нет или матери.

В яблочко. Папа ушёл, когда Платону было около четырёх. Ещё года два он забирался на подоконник, сидел, ждал напрасно. Потом привык. С мамой было хорошо, но заметил, что, отличается от мальчишек, которых воспитывали отцы. Мама боялась потерять его, восставала против спорта, походов, поездок с друзьями и подругами на шашлыки.

Часто говорила:

«Подумай сам, правильно ли ты поступил».

Он думал, а другие в это время дрались, пробовали вино, тусовались с девчонками в подвале.

Привычка анализировать привела к мысли: мамина логика для мальчика не всегда подходит, ему не хватает мужчи-

ны – руководителя.

Гадалка заинтересовала его.

– Позолоти ручку, всё тебе расскажу, и прошлое, и будущее. Ты меня не бойся. По лицу вижу, несчастлив ты с женой, порча на тебе.

Толстые губы, большие зубы, один из них золотой, кожа неприятного серого цвета, чёрные глаза на выкате окаменели и исподлобья смотрят внутрь мужчины.

Секунда, и он ощутил приятную расслабленность, вялость и нежелание противиться приказам.

Губы бормотали что-то, уговаривали, чужая рука оказалась на плече Платона.

Сколько времени стояли на мосту, не помнил.

Разрушил колдовство гудок старого паровоза, который, видимо, перегоняли куда-то из депо, гудок оглушительный, перекрывший все звуки на вокзальной площади, сотрясший Платона, будто уши находились в каждой клетке его тела.

Мужчина вздрогнул, сделал неровный вдох, огляделся.

Стоит на мостике, в руках – айфон и семнадцать тысяч рублей, которые вытащил из кошелька.

Почему он заворачивает всё это в носовой платок и намеревается положить в ладонь ужасной женщины?

Резко развернувшись, Платон побежал к машине. Цыганка, последовала за ним.

– Нехорошо, что уходишь, я тебе и без денег, которые считаешь каждый день на работе, скажу: умрёшь в этот день,

девятнадцатого июля, но не сейчас, а через пять лет и сын твой тоже будет полу сироток!

Озноб в спине, голова – чужая, с трудом заставил себя вставить ключ в замок зажигания, повернул, мерседес рванулся вперёд, оставив позади разъярённую женщину.

На даче у тёти Вали пожаловался на боль в голове, попросил разрешения полежать в свободной комнате на втором этаже. Хотелось помыться в душе, но не знал, как объяснить это пожилым женщинам, ведь полтора часа назад он был дома, не стал расстраивать мать рассказом о цыганке.

С женой не имел привычки быть откровенным, она похожа на зеркало: он чему-то удивляется, и она тоже, он боится или гневается, и она вслед за ним. Не интересно. Зеркало искривлённое и хитрое.

Дома, перед сном, прикинул:

«Вероятность угадать, что у человека в моём возрасте нет отца или матери – одна вторая, одновременно с этим, вероятность угадать, что у меня сын, а не дочь, – уже одна четвёртая, а намёк на то, что считаю деньги, а, значит, работаю в банке, делает вероятность крайне малой. Что касается семейной жизни, так у всех с ней проблемы. Обманщицей ли была представительница кочевого народа или настоящей ведьмой?»

Стал погружаться в сон, вдруг, сердце провалилось куда-то от жуткого страха, как от рёва паровоза, но звука не было.

Он закричал, сел в постели. Ощутил страшное возбуждение, перевалился на сторону жены.

Давно, вернее, никогда, у них не было такого секса.

Потом приснилось, как цыганка прокликает его, и, словно, в микрофон, звучит дата смерти.

Утром подумал, что айфон надо было, конечно, оставить себе, но семнадцать тысяч, всё-таки, отдать гадалке.

Страхи и кошмары повторялись.

Ровно через год, девятнадцатого июля, проснувшись в отеле Барселоны, где отдыхал с женой и сыном, понял, вдруг: «Осталось четыре года».

Вечером сказался больным, отправил их в ресторан. Оставшись один, в ноутбуке распределил денежный запас на три части.

Первая – на обучение сына в Англии, ему нельзя жить с матерью, когда останется без отца.

Вторая – маме, она наверняка, переживёт его, но не на долго.

Жене оставил немного, с такими данными, как у неё: никогда не спорить, повторять, как эхо, последнее слово собеседника, обязательно прицепится к кому-нибудь.

Первая часть не достаточна, за оставшиеся четыре года может не набрать необходимую сумму, придётся застраховать жизнь.

Не смог сдержать слёзы, жаль стало маму, сына и себя.

Прошёл ещё год. Они отдыхали на Кипре. Всё вокруг бы-

ло для него временным и, поэтому, неинтересным. Чёрная представительница нечистой силы продолжала навещать во сне, заставляла испытывать нечеловеческий страх и сексуальное возбуждение.

В голову пришла мысль: «отдать долги», раз так случилось, что конец жизни ему известен.

Совість давно подсказывала, что на первом и главном месте – Наталка. Когда они с мамой втроём решили, что рано заключать брак в 20 лет, Наталка, по взаимному соглашению, избавилась от ребёнка, а потом и от них с мамой, хотя оба молодых человека знали, что мама права.

Не уверен Платон в том, что оказался однолюбом, возможно, не нашёл ещё человека, который был бы так же интересен ему, как она.

Женился в 30, когда решили с мамой, что время пришло.
На ком?

Мама сказала: «На невинной девушке».

Новогодний корпоратив длился в коттедже на озере с сауной неделю. Из всех, предложивших себя, сотрудниц, охотниц за перспективным женихом, Лариса оказалась невинной, если это слово подходит к особе, согласной со всем, что он с ней делал, с первой минуты знакомства.

Приходя домой, он, шаблонно раздвинув губы, «переступает» через женщину, встречающую его, она называется женой. Ему подают еду, спрашивают о работе, но кот Мика имеет на него больше прав, чем Лариса. Кот позволяет себе

прыгнуть на колени, усесться на плечо хозяина и переехать на этом плече из гостиной в спальню.

Если бы спросили Платона, во что была одета супруга и как причёсана, не вспомнил бы.

Поискал и нашёл в интернете институт, где Наталка, кандидат наук, преподавала на филологическом факультете, подождал конца лекции на углу дома, сделал вид, что встретились случайно.

– Привет Наталка!

– Какой сюрприз, – ответила женщина, осипшим после занятий, голосом. Никакого волнения в лице.

– Как живёшь?

– Хочешь спросить, как обхожусь без тебя?

«До сих пор стыдно того, что произошла когда-то», – мелькнула мысль.

– Мой брак – ничто. Сожалею, что предал тебя.

– Тогда предал меня, а теперь жену, – она направилась к своей машине, упрямая, неожиданная, неразгаданная, умеющая быть податливой так, как нужно ему.

Эта встреча напомнила, как школьником стоял на остановке, ждал автобуса, но он шёл в парк, притормозив, поехал дальше, обдав брызгами из лужи.

Планировал встретиться с одноклассниками и однокурсниками, но свидание с Наталкой показало, что, если до этих пор они не собирались вместе или делали это без него, он может получить комья грязи не от одного, а от целой вер-

ницы автобусов.

Новый год отметили в Финляндии, стране Снежной королевы. Подумал о том, как мало осталось у них с сыном праздников.

Весной поехал навестить друга, жившего в Германии. Проститься.

В трактире Мюнхена обсуждали качество пива, жареных колбасок, тушёной утки с яблоками, свиной голени. «На пороге вечности» Платону разговор показался глупым.

«Не напрасно ли я теряю здесь время, когда дней осталось на перечёт?»

Друг спросил, здоров ли он.

«Вот, именно, здоров, и умирать не хочется», – подумал Платон.

За два года до злосчастной даты понял, что человек не может исполнить всё задуманное, если ему известно точное время ухода, это сбивает с толку, в голове начинается свистопляска.

Решил оставшиеся время провести для собственного удовольствия.

Заглянул в бордели, чего не позволял себе раньше. Удовлетворения не получил. Оргазм для него был испорчен мыслью:

«Сколько их ещё осталось?»

Попробовал пить, но это не доставило удовольствия. Мама ли тому виной или сам, поленился анализировать.

Болезни больше не пугали, как и вопросы продления жизни, поэтому бросил пейнтбол по субботам, бассейн два раза в неделю перед работой и поездки с семьёй на природу по воскресеньям.

Постарел, ссутулился, лежал дома на диване, просил не беспокоить.

На ужин требовал пиццу и пирожные. С детства любил мучное и сладкое, раньше сдерживал себя, теперь это не имело смысла.

Располнел, стал бледным, несколько неряшливым. Жизнь завершалась.

Последний июль они с женой проводили на туристической базе, расположенной на берегу громадного, как море, озера.

От отдыха за рубежом отказался: вдруг, пророчество фурии исполнится, пока летят в самолёте, тогда из-за него погибнет много людей.

По утрам делал вид, что ловит рыбу, тупо смотря в воду на шевелящиеся водоросли, ожидая «своего» часа. Рядом стояла бутылка «Архыза». Уже год, наверное, он пил много, даже по ночам.

Семнадцатого июля ему показалось, что немеют руки и ноги, к вечеру ощущения стали явными.

«Думал, что умирать больно, а оказалось, я просто остыну», – пришло в голову.

Восемнадцатого утром не встал с постели, лежал на спине, смотрел в потолок, Девятнадцатого Лариса обратилась к

нему, он не откликнулся, и она вызвала «скорую».

Платона отвезли в больницу.

Пришёл в себя. По палате двигалась длинноногая женщина в джинсах, коротком белом халате с пушистыми волосами.

«Жена», – вспомнил он.

Наблюдая её со стороны, как с «того света», подумал:

– Красивая. Если бы она не предложила себя в первые минуты знакомства, не согласилась бы сразу выйти замуж за человека, которого, почти, не знает, мог бы её полюбить. Как любой мужчина, он – охотник, добычу нужно преследовать, добиваться. Неинтересно подбирать то, что валяется под ногами. Мама, давая советы, этого не учла, она же женщина.

Спросил слабым голосом:

– Который час?

– Десять, – быстро подошла к койке, поправила одеяло.

Он помнил, что девятнадцатого днём был жив, а теперь – утро.

– Какое число.

– Двадцать первое.

– Не может быть! Не ошибаешься?

– Нет, конечно, ты куда-то торопишься? На этот день назначена встреча, дорогой? – хлопая глазами, показала ему беспокойство.

– Почти, – ответил он и подумал: «Встреча с богом».

– Что со мной?

– Диабет, придётся ограничиться специальной диетой и стрессы убрать, – плохо разыгранное сочувствие на лице, яко бы, любящей женщины, – наверное, много работал перед отпуском?

Платон не ответил. Роковой рубеж пройден.

«Сука, – подумал о цыганке, – обманула, надругалась над моей психикой, аферистка».

С этого дня он засыпал спокойно, чувство страха прошло, чертовка не являлась больше во сне, действие гипноза закончилось.

Вышел из больницы, вдохнул полную грудь воздуха:

«Жив. Сорок один год – не так уж много. Не слишком ли часто зомбировали меня женщины? Осенью отправлю сына в Англию, разведусь с Ларисой, надеюсь без маминого участия найду ту, с которой будет хорошо. Старушка пребывает в таком возрасте, что сама нуждается в советах. Сколько мне отведено времени, не известно. Чудо жизни заключается ещё и в том, что дата окончания её остаётся открытой».